

Глава 10 Шестой год Шэньчу

Близится великое дело

Гроб с телом Четвёртой тётушки установили в заднем дворе. Обычно родственники и друзья пришли бы выразить соболезнования, но из-за продолжающегося кризиса в Цисяне никто не решался безрассудно выходить наружу. Семья Четвёртой тётушки распалась, и осталось мало родни, поэтому лишь несколько дальних бедных родственников ненадолго пришли почтить память, попросили немного вознаграждения и ушли, не задерживаясь.

Се Тайхан велел домашним слугам проконсультироваться с мастером фэншуй, чтобы определить благоприятную дату для погребения, которая была назначена через три дня.

Шестая Юная Госпожа прошлой ночью плакала так сильно, что охрипла, а её и без того невыразительные глаза теперь распухли, как персики.

- Что?! А-Лай и Сяоши отпустили?! - Проснувшись и услышав, что Сяоши и её дочь целы и невредимы, она едва могла в это поверить.

Служанка, приставленная к Шестой Юной Госпоже, Лэ Цзюй, кивнула и сказала:

- Я слышала, что Старший Молодой Господин уже собирался убить А-Лай и Сяоши, но Господин Се остановил его. За это Господин Се даже наказал Старшего Молодого Господина, заставив стоять на коленях в зале предков. Видно, как тот разгневался на Сяоши и её дочь.

- Отец наказал старшего брата из-за них?

Лэ Цзюй тоже выглядела возмущённо:

- Господин Се обычно не обращает внимания на тех мать и дочь, и именно с А-Лай Четвёртая тётушка вышла наружу, из-за чего и случилось несчастье. Как же это дело можно просто оставить? Поведение господина Се на этот раз действительно странное. Помнит ли Шестая Юная Госпожа, как два года назад на Праздник Холодной Пищи, когда Сяоши тяжело заболела, А-Лай умоляла госпожу позволить семейному лекарю осмотреть её, но господин Се проигнорировал.

Шестая госпожа кивнула:

- Да, помню. Тогда А-Лай не смогла получить помощи от госпожи, поэтому пришла к моей матери. Моя мать тайно дала ей немного денег на лекарства, так Сяоши и удалось выжить.

Вспомнив, как Четвёртая тётушка обычно сокрушалась о жалком состоянии А-Лай и Сяоши, которых презирал отец и которые могли быть лишь низкими служанками, она размышляла: если их презирают, почему бы не убить, чтобы отомстить за смерть её матери? Разве её мать не умерла напрасно, да ещё и таким недостойным образом? Отец не заботился о жизни Сяоши, но захотел защитить А-Лай. Неужели отец всё ещё помнит, что А-Лай его плоть и кровь?

Мысль о становившейся всё более красивой внешности А-Лай очень беспокоила Шестую Юную Госпожу. Она думала, как будет выглядеть А-Лай через несколько лет, когда полностью созреет. Станет ли она через несколько лет, ещё красивее, чем А-Сюнь. Возможно, отец признает А-Лай своей дочерью, чтобы заключать союзы с другими знатными семьями. Если А-Лай выйдет замуж за человека лучше, чем у неё... Шестая Юная Госпожа почувствовала озноб. Молодой господин из семьи Чжун никогда не смотрел на неё с уважением, а со смертью

матери семья Ван наверняка тоже потеряет интерес. Что же ей делать в будущем? Она сжала платок в руке, чувствуя всё больше обиды.

Во всём виновата та презренная рабыня А-Лай, из-за которой моя мать умерла!

Нельзя позволить ей жить!

Шестая Юная Госпожа немедленно взяла нескольких слуг и бросилась в комнату Сяоши и её дочери, стуча в дверь, намереваясь забить их до смерти палками, чтобы отомстить за смерть Четвёртой тётушки.

В конце концов, она была госпожой, а Сяоши и её дочь - рабынями. В прошлом, кроме А-Сюнь, именно её отец баловал больше всех. Если она убьёт их, в худшем случае отец отругает её или выпорот несколько раз, но зато хоть кто-то отомстит за смерть её матери, и это положит конец возможности А-Лай стать членом семьи Се.

Се Тайхан также глубоко скорбел о смерти Четвёртой тётушки.

Среди его многочисленных наложниц Четвёртая тётушка была самой очаровательной и нежной, но срочные проблемы, вызванные его законным сыном, требовали немедленного внимания. У кого сейчас есть время оплакивать наложницу? Более того, он слышал, что тело Четвёртой тётушки было изгрызено беженцами до неузнаваемости, на него невозможно было смотреть. Одного взгляда хватило бы, чтобы испортить аппетит на три дня, поэтому он решил, что лучше не будет добавлять себе мучений.

Се Тайхан уже был озабочен действиями своего глупого сына, а теперь его ждали ещё худшие вещи.

Инспектор из Цензората прибыл в Цисянь по делу о церемониальной вспашке и наверняка узнал о ситуации в Цисяне.

Церемониальная вспашка и бедствие с беженцами - события, которые не случаются вместе даже раз в десять лет. Кто мог ожидать, что они совпадут именно сейчас?

Инспектор наверняка знал, что он вернулся из Яньчжоу, поэтому ему нужно было придумать стратегию до того, как его вызовут, чтобы скрыть преступления, совершённые Се Суйшанем.

Рано утром Се Тайхан созвал всех советников и стратегов дома Се в передний зал, чтобы найти хороший план для решения проблемы беженцев.

Едва он достиг входа в передний зал, как услышал слугу, докладывавшего, что Шестая Юная Госпожа взяла несколько слуг с палками, чтобы убить Сяоши и её дочь в отместку за Четвёртую тётушку. После бессонной ночи гнев Се Тайхана закипел ещё сильнее, отчего виски набухли. Он яростно закричал:

- Кучка никчёмных людей, которые умеют только создавать проблемы! Немедленно идите и остановите их!

- Да! Да!

Как только группа Шестой Юной Госпожи вышибла дверь в комнату Сяоши и её дочери, их скрутили слуги Се Тайхана. Услышав, что это люди её отца, обида Шестой Юной Госпожи стала ещё сильнее, она жаждала разорвать А-Лай на месте, но не смела послушаться отца. Лэ

Цзюй посоветовала ей не противостоять господину в лоб, так как в будущем будет много возможностей. Только тогда Шестая Юная Госпожа проглотила гнев и временно отступила.

Слуга доложил, что Шестая Юная Госпожа ушла и Сяоши с дочерью временно в безопасности. Се Тайхан велел управляющему распорядиться, чтобы кто-то присмотрел за цветочным домом, дабы Шестая Юная Госпожа не устроила больше неприятностей. Управляющий принял приказ и ушёл, но Се Тайхан окликнул его и, подумав мгновение, сказал:

- Отдай распоряжение, чтобы А-Лай и Сяоши никуда не выходили.

Вернувшись в передний зал, Се Тайхан обнаружил, что все в доме Се уже собрались и ждали его. Он окинул взглядом толпу и прямо спросил А-Сюнь:

- Я слышал, А-Сюнь не сомкнула глаз прошлой ночью. Есть ли у тебя хорошие стратегии, чтобы облегчить заботы отца?

А-Сюнь, стоявшая позади господина Юньмэна, изначально намеревалась послушать идеи всех, прежде чем принимать какие-либо решения, но не ожидала, что отец вызовет её сразу же.

Все взоры обратились на неё, ожидая, когда она заговорит.

После того как А-Лай ушла вчера, А-Сюнь не смогла удержаться и пошла в кабинет Се Тайхана, чтобы сообщить отцу о плане включения беженцев. Тогда Се Тайхан мало что сказал: услышав это, он лишь кивнул и велел ей отдохнуть. Она подумала, что план бесполезен и отец не придаёт ему значения. Теперь, столкнувшись с всеобщим вниманием, её ум опустел, и у неё не было новых идей, поэтому она могла лишь ещё раз с начала до конца пересказать план.

Закончив говорить, она заметила, что Се Тайхан улыбается с удовлетворением.

Се Суйшань всё ещё стоял на коленях в зале предков. Он тайно украл жетон главы и вызвал катастрофу. Се Тайхан никогда больше не выпустит его позорить семью. Имея глупого законного сына, семья Се могла полагаться лишь на законную дочь, чтобы сохранить лицо.

Вопрос о том, как включить и управлять беженцами, не был сложной проблемой. Стратегии, которые были в умах советников дома Се, в целом были схожи с тем, что А-Сюнь только что упомянула, и требовали лишь некоторых дополнительных деталей для непосредственного выполнения.

Се Тайхан не дал никому другому говорить и прямо назвал свою законную дочь, чтобы та высказалась, естественно, желая, чтобы его дочь оказалась в центре внимания. Присутствующие не разоблачали этого, а вместо того наперебой восхваляли учёность и мудрость госпожи, говоря, что она хорошо разбирается в древних и современных знаниях, и что таланты дома Се непременно достигнут великих дел в будущем. Они напрягали мозги, чтобы придумать слова похвалы, осыпая её комплиментами, пока лицо А-Сюнь не запылало, и она не смогла поднять головы.

Се Тайхан приказал действовать так, как сказала А-Сюнь. После того как все разошлись, он отвёл господина Юньмэна во внутренние покои для приватной беседы.

Отослав всех и лично закрыв дверь, убедившись, что никто не подслушивает, он обернулся с тревожным выражением:

- Господин, в настоящее время инспектор Ли в Цисяне...

Господин Юньмэн уже догадался о цели приватной беседы и сказал неторопливо:

- Он непременно придёт в поместье с допросом. О чём беспокоиться господину Се? Сунь Минъи - начальник Цисяня, и он должен нести ответственность за всё, что происходит здесь.

- Но факт в том, что это мой сын украл жетон главы и принудил Сунь Минъи тайно открыть городские ворота, что привело к нынешней ситуации...

- Старший сын не вступил на официальную службу и не имеет официальной должности. Даже если у него есть жетон главы, он не имеет силы. Сунь Минъи мог полностью его проигнорировать. Как же он его мог принудить? Я думаю, это потому, что Сунь Минъи труслив и боится неприятностей, неэффективен в сопротивлении разбойникам, пренебрегает жизнями народа Цисяня и перекладывает вину на других! Такой робкий, бесполезный и трусливый человек недостойн занимать высокий пост начальника уезда. Бедствие, которое он вызвал, должно быть его собственной ответственностью. Какое это имеет отношение к старшему сыну? И какое отношение к господину Се?

Знающая улыбка господина Юньмэна заставила Се Тайхана почувствовать себя гораздо спокойнее, хотя он всё ещё ощущал лёгкое беспокойство. Господин Юньмэн понял, что у него на уме, и заверил его:

- Мой господин, на протяжении истории те, кто совершает великие дела, не застревают на мелких вопросах. На вас лежит тяжёлая ответственность, как вы можете быть задержаны простым уездным чиновником? Восход и падение Великой Юй теперь в ваших руках.

Се Тайхан вздрогнул и понизил голос до минимально возможного уровня. Даже если в комнате больше никого не было, он всё ещё говорил шёпотом, который могли слышать лишь они двое, находясь очень близко:

- Неужели есть прогресс в деле, о котором вы упоминали ранее?

Господин Юньмэн торжественно кивнул:

- Нам не хватает только последнего доказательства. Как только мы его получим, великий план начнётся.

Лекарство, предоставленное А-Сюнь, было очень эффективным. После нескольких дней отдыха травмы А-Лай почти зажили, и Сяоши тоже была в порядке.

Утром А-Лай пошла подрезать ветки и полить растения. Вернувшись, она увидела, что приехал дядя Дун, возникший. Дядя Дун нёс два свёртка, что напугало домашнего раба, охранявшего дверь. Обернувшись и увидев А-Лай, его лицо сразу же расплылось в улыбке, покрываясь морщинами, как цветок:

- Я слышал, что вы с матерью пострадали. Я только что вернулся из Дунчуня и привёз местный женьшень оттуда. Хотя этот местный женьшень не так хорош, как настоящий, он все же полезен для восполнения энергии и крови! Он не дешёвый! А-Лай, не забудь потушить немного для своей матери и выпей сама.

А-Лай изначально почувствовала себя немного неловко, но этот дядя Дун часто приходил и приносил вещи для её матери. После нескольких отказов он начал устраивать сцены у двери, вызывая слухи. С тех пор А-Лай больше не спорила с дядей Дуном и принимала всё, что он приносил.

- Спасибо, дядя Дун! - сладко сказала А-Лай, принимая местный женьшень.

- Эй! Моё дорогое дитя! Эм... твоя мама внутри?

- Она здесь. Мама! Дядя Дун пришёл навестить тебя! - крикнула А-Лай в дом. Старое лицо дяди Дуна покраснело, и он поспешно остановил её:

- Не кричи, не кричи. У твоей матери ноги не в порядке, не заставляй её двигаться. Я... - Хотя обычаи Великой Юй были более открытыми, всё ещё было табу мужчине входить в комнату вдовы, особенно учитывая деликатные отношения между Сяоши и господином Се. Более того, там были люди господина Се, охранявшие место. У дяди Дуна не хватило смелости войти, поэтому он стоял снаружи, потирая руки. - Я, я не войду. Скажи своей матери хорошо отдохнуть. Если есть грязная или утомительная работа, просто позови меня. Пока я здесь, я не позволю вам двоим страдать! У твоего дяди Дуна может быть не много умений, но силы у него предостаточно!

Чем больше говорил дядя Дун, тем более воодушевлённым он становился. Рот А-Лай слегка подёргивался, ей было немного неловко, и она ещё раз поблагодарила его.

После того как дядя Дун ушёл, бабушка Линь из прачечной также пришла навестить их. Едва войдя, она вздохнула и положила принесённые для А-Лай и её матери лепёшки на стол. Она сразу же схватила руку Сяоши и сказала:

- Я чуть не умерла от страха на этот раз. Я думала, вы с А-Лай не выживете!

Бабушка Линь рано потеряла мужа и сына и прожила в доме Се более десяти лет. Когда Сяоши впервые приехала в Суйчуань, она была тяжело ранена из-за войны, и именно бабушка Линь спасла её и привела в поместье. Позже она же умоляла оставить Сяоши заниматься подработкой. Травмы Сяоши заживали долго, и лишь после рождения А-Лай она постепенно восстановилась.

Бабушка Линь сидела у кровати, держа руку Сяоши, и начала говорить о вещах тринадцатилетней давности. Она рассказывала о том, как они встретились, и о трудностях, которые они вместе пережили за эти годы. А-Лай стояла рядом и слушала. Как и ожидалось, бабушка Линь снова начала винить себя, говоря, что если бы она не привела Сяоши в дом Се, Сяоши не была бы...

У Сяоши начала болеть голова, и она быстро остановила её, не дав ей дальше говорить. Если бы кто-то услышал, как они за спиной обсуждают господина Се, им бы крупно не повезло.

У бабушки Линь была трагичная история жизни, и она часто чувствовала сострадание к другим. Однако её сострадание могло быть подавляющим. Как только она начинала плакать и говорить, никто не мог остановить поток эмоций.

Но она также была тем, кто мог быстро сменить настроение. Вскоре она начала утешать Сяоши:

- Давайте не будем говорить о тех старых делах. Те двое мужчин снаружи были устроены Господином Се, верно? В конце концов, А-Лай его родная плоть и кровь. Посмотри, какая красивая наша А-Лай. Бьюсь об заклад, Господин Се хочет, чтобы А-Лай признали в семье. Вы двое наконец-то увидели конец своих страданий...

Сяоши улыбнулась и ничего не сказала, переводя разговор на другую тему.

Дядя Дун и бабушка Линь, хотя иногда и вызывали раздражение, были хорошими людьми, которые искренне заботились об А-Лай и её матери. А-Лай глубоко запомнила их доброту.

Был ещё один человек, который спас их в этот раз...

Погода становилась всё холоднее и холоднее. Она потрогала серебряный слиток, завёрнутый в грубый пояс на талии, планируя купить тёплую одежду для своей матери, которая не хотела делать это, чтобы та могла комфортно пережить зиму.

<http://bllate.org/book/17227/1612188>